Число 2. Рôкъ I.

ПРІЯТЕЛЬ ДѢТЕЙ.



Выходитъ въ Коломыи разъ въ мѣсяць.

Предплата на цѣлый рôкъ 1 злр. 50 кр.

Коломыя. Лютый 1881.

Оставите дѣтей приходити ко мнѣ, и не браните имъ: Таковыхъ бо есть царствїе Бжїе. (Лук. гл. ні. зач. ч.)

Молитва руского мальчика.

Уложивъ Филяретъ.

Боже мôй! Для Твоеи славы хочу збогачовати мôй розумъ мудростїю и всякими хосенными наукам. Черезъ мою пильнôсть бажаю статись потѣхою, надѣею и пôдпорою Родичамъ, старшимъ и ближнымъ моимъ. Господи, не давай менѣ марновати годиночки зъ дорогого часу житя мого; кожда хвиля нехай буде на хосенъ менѣ и мому рускому народу, — нехай буде въ менѣ обмерзѣнье до всякихъ пустыхъ забавъ и до лѣнивства. Недопускай, щобы мене свѣтъ блудными науками и злыми примѣрами звѣвъ коли зъ правои дороги! Дай менѣ, Їсусе сладчайшїй, доховати ажь до гробу невиннôсть, чистоту и послухъ для всѣхъ приказôвъ Твоихъ! Дай щоразъ бôльше рости въ честнотахъ христїянскихъ на радôсть церквѣ моей православной, моей родинѣ, на хосенъ моей ôтчинѣ руской и придбанье надгороды въ отчинѣ небесной. Аменъ.

Дитя граюче цвѣтами.

Дитина малая
Квѣтками ся грае,
То гладить, то бурять,
То знову зжимае.

Изъ нѣжныхъ цвѣточокъ
Листки гнеть опали,
Дитина ихъ тулитъ —
Дарма — не пристали.

У плачь дитинонька:
„Опали листочки,
„Були такъ гарненькй,
„Зôпсулись цвѣточки!

Такъ многй мовь дѣти
У свѣтѣ играютъ,
Уперше знивечатъ,
Потомъ нарѣкаютъ...

Горовскій.

ВЕЧЕРЫ ПОДЪ ЛИПОЮ.

Росказы про руску бувальщину, оповѣвъ для молодежи Сидоръ зъ Покутя.

Вечеръ першій.

Нетерпеливо ожидали дѣти недѣли а ще бôльше вечера. Михась скликавъ ще бôльше хлопчиковъ и дѣвчатокъ, и всѣ засѣли собѣ пôдъ липою. Надôйшовъ старый Онуфрій, надôйшли Федоръ съ жѣнкою, та еще и никоторî родичѣ — засѣли пôдъ липою, а Онуфрій такъ зачавъ оповѣдати:

Мы Русины походимо ôтъ Славянъ, котрî ôтъ давенъ давна замешковали краи великій, бо ôтъ моря Балтицкого ажь до Чорного. Славяне були зъ природы дуже гостиннî и спокôйнî: чужу власнôсть уважали они за рѣчь святу; любили дуже спѣвъ и музику, а говорили одныmъ словомъ, одною бесѣдою, и такимъ порозумѣвалися. Зъ-ôтси то и ихъ назва: Словяне—Славяне. Земля, котру они замешковали, давала имъ достаточный пожитокъ: въ густыхъ лѣсахъ ловили звѣрину, по поляхъ выпасали худобу и заводили пасѣки, управляли рôлю и сѣяли збôже, а рѣки и озера достарчали имъ рыбы. Всѣ вѣрили въ одного найвысшого Бога, который владѣвъ небомъ. Вѣрили такожь, що душа чоловѣка не умерае, но все такой не були они еще тои вѣры, що мы теперъ. Они були поганами, бо покланяли ся еще всѣлякимъ, великимъ и малымъ богамъ, якимъ були н. пр. Свѣтовидъ, богъ рольництва, — Перунъ, богъ справедливости и громôвъ, — Радегастъ, богъ гостинности, — Жива, богиня житя, — Морена, богиня смерти и иншî, котрыхъ собѣ вытесовали зъ камѣня або дерева, котрымъ въ лѣсахъ будовали домы або святынѣ, и тамъ имъ жертвы приносили.

Славяне тіи не творили зъ початку одной державы, но дѣлили ся на племена и кожде жило окремо и окремî мали права. Ажь пôзнѣйше стали они соеденяти ся, а то зъ причины, що ихъ сусѣднî народы до того принуждали. Нападали бо они часто Славянъ, а щобы оборонити ся ôтъ ихъ грабежей, скуповали ся славянскî племена и выберали собѣ одного начальника, который называвъ ся воеводою. Колиже и то не помогло, и грабѣжи еще побôльшали ся, стали Славяне творити уже державы або паньства. Таку державу основавъ Самовъ року 627. въ нынѣшныхъ Чехахъ, а въ року 860. бачимо Велико-моравску державу, найбôльшу зъ всѣхъ. Въ тыхъ то часахъ и зъ причины тыхъ нападôвъ, повстала и на западѣ держава польска, названа потôмъ Польщею, а на востоцѣ Русь.

На восточнôмъ сѣверѣ ôтъ Славянъ живъ нарôдъ военный и грабежный, Нормане, — Варяго-Руссами прозваный. Они то нападали ôтъ востока на славянскî богатî та краснî мѣста, що то жили въ згодѣ и приязни; посварили ихъ межи собою и шукали у нихъ користи. Славяне побачили то въ конець, но не мали уже иншой рады, якъ тôлько для домашного супокою запросити тыхъ Варяго-Руссôвъ, щобы ихъ землею владѣли, та щобы лишь мѣста були цѣлî и добытокъ ихъ бувъ безпечный. Варяго-Русси радо взяли ихъ въ опѣку, и уже въ р. 862. прійшовъ сюда нормандскій князь Рюрикъ и засѣвъ въ мѣстѣ Новгородѣ на княжескôмъ престолѣ. Въ-скорѣ пôддали ся ему и другî восточнî Славяне, а которî не хотѣли, то Рюрикъ самъ ихъ загорнувъ пôдъ свою власть. Такъ стало одно царство и одно право. Царство то называло ся по Рюрику: „Русь“ а пôдданî его: „Русины.“



Першій рускій князь Рюрикъ.

Въ той самъ часъ, коли основала ся руска держава Рюрика, стало ся еще друге велике

дѣло. Дѣяло ся тое въ рôкъ по прибытю Рюрика до Новгорода. На Руси Славяне оставали еще поганами, наколи други Славяне, що мешкали надъ рѣкою Дунаемъ, були уже крещенѝ. Ихъ князѣ принявши крещенье, пôслали людей до греческого царя, Михаила, съ такою просьбою: „Земля наша крещена, говорили они, а нема у навъ учителя, котрый бы учивъ насъ и розтолковавъ намъ святѝ книги; мы не розумѣемъ ни по гречески, ни по латини: однѝ учатъ насъ такъ, а другѝ инакше, и мы не можемъ порозумѣти того, що написано въ книгахъ. Пôшлѣтъ же намъ учителя, котрый объяснивъ бы намъ смыслъ кождого книжного слова.“ Царъ Михаилъ скликавъ своихъ философôвъ и оповѣвъ имъ о просьбѣ славянскихъ князей. Ученѝ ôтвѣтили: „есть въ краю тесальскôмъ, въ Солуни, мужь, по имени Левъ; есть у него два сыны: Меѳодій и Кириллъ, — два дуже ученѝ сыны. Они знаютъ и славянскій языкъ.“ Царъ сейчасъ пôславъ за ними и просивъ ихъ, щобы ôтправили ся въ славянскѝ землѣ. Они поѣхали въ Болгарію и Моравію, составили славянску азбуку и перевели зъ греческого языка на славянскій Евангеліе и Апостолъ, а потому Псалтырь и другіи книги. Тому то наше руске письмо друковане называесь и кирилиціею. Радѝ були Славяне, що могли чути на своимъ рôднôмъ языцѣ святе писаніе. Кириллъ и Меѳодій выбравши ся разъ въ славянскѝ краѣ, ишли потокомъ по тыхъ краяхъ,



Св. Кириллій и Меѳодій.

выучали славянскѝ народы свого нового письма и славянскои ôтправы набоженства, такъ якъ у насъ теперъ. Оба тіи мужѣ называютъ ся святыми апостолами. Кириллъ умеръ скорше ôтъ брата свого, дня 14. лютого 869. року, а братъ его Меѳодій доступивъ тои чести, що тогдашнѝй папа римскій высвятивъ его на епископа. Ôнъ умеръ 6. цвѣтня 885. року. Церковь наша зачислила обохъ тыхъ мужѣвъ въ почетъ святыхъ не тôлько на востоцѣ, но и у насъ христіянъ-католикôвъ.

(Дальше буде.)

Двѣ несподѣванки.

— Дивна то рѣчь! — говорила Салька до свого братчика, — що я читати не могу ся научити!

— Ани я! додавъ Володко, еи братчикъ. — Сколько разы возьму ся до книжки, то менѣ такъ дивно выдаютъ ся буквы, що и словечка сложити не могу.

— О! то складанье, щобы то уже ôтъ разу читати, то еще бы якось було; але букву съ буквою складати, що то за нуды! Знаешь, Володку, коли бы такъ по двѣ, по три, то еще бы якось було, але коли на прикладъ зачну читати слово с-т-ô-л-ъ, то мѣсто якого слова, стае менѣ въ мысли моя лялька въ новой сукенцѣ або моя кухня, и заразъ где с бачу рогальокъ, где т то гойданку, где ô то обарѣнокъ, где л то дахъ, и уже по читаню.

— И менѣ такъ само иде; а однакожь, любезна сестричко, ты маешь уже шѣсть а я пять лѣтъ, то якось трохи

встыдно, еще читати не умѣти. Коли бы то можна научити ся того еще передъ поворотомъ татуня, то бы для него була милая несподѣванка!

— Добре говоришь, братчику, просѣмъ лишь маму о помôчь, уважаймо пильно кождого дня, не думаймо при книжцѣ о забавкахъ, то все добре пôйде.

Якъ задумали, такъ зробили дѣти. Въ три тыжднѣ ôтъ сеи розмовы отець ихъ приѣхавъ зъ далекои подорожи. Коли ся привитали и коли отець засѣвъ въ своимъ крѣслѣ выпытуючи ся матѣръ о все, що ся стало въ домѣ въ часѣ его неприсутствія, Володко и Салька станули съ книжкою при столѣ и помалу, выразно и безъ жаднои ошибки зачали читати на перемѣну.

— А то менѣ несподѣванка! — закликавъ весело отець, и вставши устискавъ пильнй дѣти; а потôмъ, якъ бы пригадуючи щось собѣ, сягнувъ до подорожного тлумочка, вынявъ зъ него зложеный папѣръ, а ôтдаючи его дѣтямъ сказавъ:

— Хлѣбъ за хлѣбъ, любезнй дѣточки; я думавъ, що той попѣръ довго еще въ моимъ столику буде лежати, и васъ ожидати, але бачу, що уже могу дати его вамъ въ руки.

Дѣти розвинули папѣръ и заразъ зъ горы прочитали тіи слова: „Пріятель дѣтей“ — а пôдъ тымъ побачили образокъ: Ісуса Христа научаючого дѣти, — дальше були повѣстки и иншй полезнй науки, а все съ образками.

— Якй тутъ краснй образки! — закричали дѣти.

– То нова газетка для васъ, дѣти, я привѣзъ ею зъ Коломыи. Читайте ею пильно, а що довѣдаете ся зъ неи, то заховайте въ памяти; таку газетку дôстанете що мѣсяця, а въ каждôй будутъ иншй повѣстки. Въ кождой повѣстцѣ есть правда; а кромѣ того будутъ тамъ описувати всякй цѣкавй рѣчи, а все то для васъ, на вашъ пожитокъ.

Дѣти охочо придивляли ся образкамъ, а на другій день оповѣдали уже родичамъ о тôмъ, що вычитали зъ газетки, и выголошували стишки, якіи ся зъ неи выучили; розвязовали загадки и смѣяли ся, коли яку байку або анегдоту прочитали, — и тѣшили ся, що въ скорѣ дôстануть нову газетку съ новыми повѣстками, съ новыми образками.

И. Т.

Милосердный школяръ.

На горбочку при дорозѣ
Стоитъ крестикъ не величкій,
А зъ обохъ боковъ тополѣ
Якъ бы вѣрнй двѣ сестрички.

Пôдъ фигуровъ похиленый
Старець руку протягае,
Бо му голодъ, бо му холодъ
До живого допѣкае.

На нѣмъ платье такъ обдерте,
Що рубцѣ ся не тримаютъ;
Его волосъ, якъ снѣгъ бѣлый,
Лѣта сотки досягаютъ...

И спѣвае „про сиротку“
И вторуе на свой лирѣ,
Але люди якъ камѣннй
Якъ безъ сердця, якъ безъ вѣры.

Якъ день божій, такъ снуютъ ся
Однй зъ поля, другй въ поле,
Ледви „помагай бôгъ“ скаже
Старцю, кто якъ по неволи.

Никто крайцара не кине,
Никто кусокъ не дасть хлѣба
За худôбку, за здоровье,
Или за отця, за дѣда...

Ажь иде малый хлопчина,
Такой хлопчикъ зъ села того,
Здойминъ шапку предъ фигуровъ
И поздоровивъ старого.

И зъ торбины яблокъ двое,
Що му мама дала зъ дому,
Взявъ и выбравъ, котре краще,
И подавъ его старому.

Старцю слезы покотились —
И уцѣлувавъ дѣтину,
И щиренько помоливъ ся
За цѣлу его родину:

И за матѣрь, що го вчила,
Милосерднымъ такимъ быти;
И за батька, що до школы
Выправлявъ що день ся вчити;

И за бабку, що головку
Щодень мила и чесала;
И за дѣда, що предъ рокомъ
Вже свята земля сховала.

Заспѣвавъ му ще „про вѣчнôсть“
А тахъ красно, якъ николи — —
Хлопець уцѣловавъ руку
Старця и побѣгъ до школы.

* * *

То примѣръ вамъ, любî дѣти;
Такъ и вы всегда дѣлайте,
И найменшiй кусокъ хлѣба
Ще съ бѣднѣйшимъ подѣляйте.

Дмитро Вѣнцковскiй.

КÔНЬ.

Вы, дѣточки, бачили уже коня и знаете, що конѣ суть рôжнои масти: суть конѣ чорнî, бѣлî, буланî, червонî, сивî а даже срокатî. Суть конѣ бôльшî и меншî, а всѣ умѣютъ скоро бѣгати, черезъ ровы и плоты скакати, хотяй до того способнѣйшî суть конѣ великî; конѣ меншî, такъ званî гуцульскî, суть до бѣганя менше добрî, за то до воза суть неутомимî. На всѣхъ коняхъ добре ѣхати верхомъ, но треба его осѣдлати. Кôнь кромѣ того ôтдае велику



услугу на селѣ, бо запряженый до плуга оре, звозитъ такожь зъ поля сѣно и збôжье на обôйстье; на собѣ носитъ великî тягары, а въ зимѣ тягне санѣ. Великî и здоровî конѣ асентерують до войска, и на нихъ ѣздятъ жолнѣри, тягнутъ они брыки жолнѣрки и канόны.

Мясо зъ коня ѣдятъ такожь никоторî люди, но оно есть трохи солодке, и чоловѣкови не смакуе такъ, якъ мясо зъ вола. Шкôра однакожь есть способна на робленье чоботъ, а зъ волося его довгого хвоста робять рôжнî рѣчи: смички до скрипки, вудки на рыбу, - коротшимъ волосьемъ выпихають подушки.

Кôнь чуе дуже добре и видитъ даже коли есть темно. Голосъ его не есть дуже прiятный. Ôнъ пôзнае голосъ свого пана, и памятае дуже добре дорогу, которою уже разъ ѣхавъ. Есть способный научити ся такожь гдеякихъ

штукъ: ходити на заднихъ ногахъ, шкробати ногою, удавати неживого и т. д. Кôнь прото есть то звѣря мудре. Одного разу спавъ ѣздець зъ свого коня. Снѣгъ бувъ великій и закривъ нôвъ-умершого ѣздця совершенно. Кôнь не рушивъ ся зъ мѣстця, ôнъ ôтгортавъ снѣгъ ногами и стоявъ такъ довго, ажь надôйшовъ чоловѣкъ и подавъ бѣдному ѣздцеви помôчь.

Кôнь есть звѣря такожь вѣрне, ôтважне а заразомъ и дуже амбитне. Его ѣдломъ есть трава, сѣно, коничина, овесъ и хлѣбъ. Любитъ чистоту, стоитъ длятого терпеливо, коли его щѣткою пуцуютъ, або водою миютъ. Въ водѣ плавае дуже добре.

Великимъ непріятелемъ коня есть волкъ, который любитъ его мясо ѣсти. Но конѣ умѣютъ собѣ раду дати, коли волкъ хоче ихъ напасти. Они скуплятюъ головы до купы а задными ногами бютъ волка або такожь медведя. Оповѣдаютъ о одной клячи слѣдуючу байку:

Разъ ѣшовъ волкъ съ лисомъ и побачивъ на пасовиску клячь съ лошактомъ. Волкъ сказавъ до лиса: „Иди до клячи и спытайся, чи бы она свого лошатка намъ за малй гроши не ôтпустила?“ Лисъ пôйшовъ и принѣтъ таку ôтповѣдь: лошатко не есть дороге а цѣна его написана пôдъ копытомъ еи правои заднои ноги. „Я не учивъ ся — сказавъ хитрый лисъ — ни читати, ни писати, такъ мусишь самъ потрудити ся, цѣну перечитати, бо ты умѣешь писане читати.“ — „Длячогожь бы я не умѣвъ читати?“ погадавъ волкъ. „Чей же не буде тамъ написано въ якой чужой мовѣ, а по руски, по польски и по нѣмецки повиненъ я розумѣти, бо довго досыть въ тыхъ краяхъ перебуваю.“ Такъ пôйшовъ волкъ, спытавъ ся самъ клячь и получивъ ту саму ôтповѣдь: „Читайте, цѣна написана пôдъ копытомъ моеи правои заднои ноги!“ — „Такъ позвольте, нехай прочитаю,“ сказавъ волкъ. Клячь пôднесла праву ногу, но заледве волкъ успѣвъ приглянути ся буквамъ, задала ему клячь такій ударъ, що волкъ ажь оглухъ и ослѣпъ. Лисъ не бувъ при тôмъ, а коли въ кôлька дней стрѣтивъ ся съ волкомъ, поспытавъ: „А що, чи згодили ся вы съ клячею? Що було написано на еи копытѣ?“ — „Ахъ — востхнувъ волкъ — ты можешь те письмо еще днесь на моей головѣ читати; копыто було новыми желѣзными и острыми буквами пописане.“

Кôнь належитъ до звѣрятъ пожиточныхъ, и мы повиннѝ его пильнувати, его кормити и ôтъ зимна охороняти, а даже въ его старости шановати. Про одного старого коня оповѣдае ся слѣдуюча байка:

Одинъ селянинъ мавъ вѣрного коня, который уже постарѣвши ся не мôгъ жаднои услуги робити. Селянинъ сказавъ: „Я тебе уже не потребую, иди собѣ, а колибысь бувъ такъ сильнымъ, що принесешь менѣ сюда льва, то хочу тебе дальше у себе на ласцѣ держати.“ То зказавши нагнавъ коня. Кôнь зажуривъ ся дуже и съ похиленою головою ишовъ къ лѣсови, щобы ся тамъ охоронити ôтъ заверухи, котора власне въ той часъ бѣсила ся. Тутъ стрѣтивъ его лисъ и спытавъ: „Чого ты спустивъ такъ голову?“ — „Ахъ, сказазъ кôнь, скупôсть и вдячнôсть не мешкаютъ въ одной хатѣ. Мôй панъ забувъ, що я ему черезъ такъ довгѝ лѣта сдѣлавъ, а теперь на старôсть не хоче уже менѣ дати хлѣба, и нагнавъ мене. Ôнъ сказавъ: слибы я еще такъ сильный бувъ, щобымъ мôгъ ему льва принести, то бы мене задержавъ у себе; але я знаю, що я уже того сдѣлати не могу.“ Лисъ подумавши сказавъ: „Хочу тобѣ помогчи. Положи ся тôлько на землю, вытягни ся и не рушай ся, а удавай, що ты уже не жіешь.“ Кôнь сдѣлавъ, що лисъ приказавъ. Лисъ удавъ ся тымчасомъ до льва, который недалеко свою яму мавъ, и сказавъ: „Пане, тутъ на дворѣ лежитъ неживый кôнь, ходи а справишь собѣ смачный обѣдъ.“ Левъ пôйшовъ, а коли они коло коня уже були, сказавъ лисъ: „Не можешь тутъ такъ выгôдно ѣсти, якъ у себе въ дома; треба того коня до хаты занести. Але якъ бы то сдѣлати?... Ага, вже знаю, я привяжу его до тебе хвостомъ а ты собѣ его затягнешь самъ до своеи хаты, где можешь спокôйно ѣсти.“ Подобала ся львови така рада и ôнъ приставъ на тое. Лисъ звязавъ неспостережено хвостомъ коня заднѝ ноги льва такъ сильно, що годѣ бы було розмотати, а коли укôнчивъ роботу, шепнувъ коневи до уха: „но, тягни теперъ!“ Тогды скочивъ кôнъ и тягнувъ льва ажь до свого пана. Левъ рычавъ страшно, ажь всѣ птицѣ въ лѣсѣ зъ страху взле-

тѣли, а кôнь не уважавъ на тое и притаскавъ его ажь передъ дверѣ свого пана. Коли же панъ тое побачивъ, жаль му ся зробило, що несправедливо поступивъ собѣ съ конемъ, и сказавъ: „Ты зôстанешь у мене и добре тобѣ буде.“ — Ôнъ кормивъ его ажь до смерти.

Треба працювати.

На селѣ люди орютъ, сѣютъ и жнутъ; въ лѣсахъ полюютъ и стинаютъ старî дерева; — на морю и рѣкахъ ловятъ рыбу, плаваютъ човнами и кораблями; иншî по селяхъ и по мѣстахъ куютъ, рубаютъ, гиблюютъ, пилуютъ, прядутъ, мелютъ, пишутъ, рахуютъ, малюютъ, шиютъ. Кожда робота людска, чи руками, чи головою чоловѣкъ робитъ, называе ся працею.

Чоловѣкъ, который працюе, мусить напряжоватись або руками або головою; ôнъ потребуе на зробленье чогонебудь и часу и силы. Лѣпше бы ему може було, спокôйно ôтпочивати, ѣсти, пити, лежати, бо бы его тое не коштовало ничого, не змучивъ бы ся и тѣлу догодивъ бы.

Спытайте ся, любезнî, длячого чоловѣкъ мимо того, що праця его мучитъ, забирае ему часу, который бы мôгъ посвятити на спочинокъ, мимо що она его коштуе, однакъ мусить працювати?

Причиною того есть тое, перше, що законъ Божій въ сердци чоловѣка засѣявъ насѣнье працѣ, необходимôсть занятія, охоту ôтзначеня ся; друге, що чоловѣкъ, который ничь не робитъ а жіе, ѣстъ, пье и зъѣдае то, що другî запрацювали, въ кôнци зъ голоду умеръ бы, и люди бы нимъ гордили и ôдопхнули его яко непотребного ледащи. Видимъ людей, що ничь не робятъ, але то не може довго тревати: они жіютъ на коштъ другихъ; але коли въ сосудѣ, зъ которого бы воду бравъ а не доливавъ ничь, въ конець забраклобы воды, такъ и чоловѣкови въ кôнци несталобы запасу. Впрочемъ ленюхъ всегда заслугуе лишь на погорду людей, и хотьбы бувъ найбогатшій, если тôлько ничь не робитъ, ничь значити не буде.

Той, що ничь не працюе, може ся переходжувати съ заложеными руками, але коли есть бѣднымъ, завтра не буде мавъ що ѣсти; коли богатымъ, то ему житье обмерзитъ ся и ôнъ людямъ стане ся лишь омерзлымъ. Кождый радъ мати запевненье, що завтра буде мавъ що ѣсти, якъ день переспати а завтра умерати зъ голоду. Безъ сомнѣнія лѣпше есть змучити ся роботою, якъ терпѣти безъ ѣды. Впрочемъ хотяй ленюхъ собѣ догодитъ на хвильку, але за то ему ни сонъ, ни ôтпочинокъ, ни забава не дадутъ супокою въ сердци и душѣ: совѣсть его мусить грызти, а людска праця встыдъ ему буде робити.

Коли бы на свѣтѣ ôтъ разу кожда праця устала, легко пôймете, дѣточки, що дуже скоро прійшовъ бы голодъ и нужда загальна, и люди бы вымерти мусѣли. Забракло бы заразъ збôжа, муки, хлѣба свѣжого, мяса, ярины, бо бы селянинъ, мельникъ, пекарь, рѣзникъ, огородникъ ôтпочивали. Одѣжь, все бы въ кôнци ся минуло и подерло, нового не було бы зъ-ôтки взяти, ни зъ чого, ни кому зробити; люди бы здичѣли якъ тî звѣрята и погибли бы зъ нужды. Поля, добытки, домы, гроши богачôвъ на нинащо бы имъ ся придали, бо за готовый грôшь не було бы що купити; грунта не родилы бы, сады здичѣли бы, луги буряномъ бы заросли, а коли бы ся никто ничого не доткнувъ, на купицяхъ золота зъ голоду умерали бы всѣ. Безъ працѣ и роботы нема ничь. Дики овощи, грибы, плоды, не на довго бы помочію намъ були, а хотячи и зъ нихъ якій запасъ зробити, треба также працювати: прійшовъ бы голодъ и люди мусѣли бы ся хиба межи собою зъѣдати якъ тіи дикіи звѣрята.

Одинъ чоловѣкъ, который не хоче працювати, не зробитъ великои рôжницѣ, если тôлько всѣ иншî працюютъ; але и ôнъ въ кôнци буде мусѣвъ жебрати, просити и корити ся, що далеко труднѣйше есть якъ найтяжша робота. Сильному и здоровому вытягати руку, абы негôднымъ способомъ выдерати чуже, есть послѣдною нуждою и великимъ нещастьемъ, а найтяжша праця страшнѣйшою надъ тое бути не може!

Такъ видите, любезнѣ дѣточки, що праця есть потребна, и що Господь Богъ для того призначивъ шѣсть дней до працѣ. Учѣтъ ся прото за молоду працювати, бо до чого за молоду привикните, тое на старбсть якъ бысьте знайшли.

И. І. К.

Ученый-недоученый.

Одинъ заможный селянинъ мавъ сына, котрый укôнчивши кôлька клясъ гимназіяльныхъ, приѣхавъ до дому своихъ родичей. Мати зъ радости великои якъ найскорше задумала зварити яецъ, щобы, нимъ вечера зваритъ ся, сынокъ перекусивъ, знала бо его натуру, що неразъ якъ бувъ сынокъ въ дома малымъ хлопчикомъ, и сирыми не погорджавъ. Прійшовъ и отець зъ поля и розпочавъ ся межи ними розговоръ. Отець выпытовавъ ся то о тôмъ, то о сѣмъ, а въ кôнци пытае ся сына: якій пожитокъ осягнувъ бнъ зъ школы? Сынъ почавъ объясняти, – ажь тутъ двери заграли, несе мати чотыри яецъ — сынъ бтцю и каже: — А кромѣ иншыхъ мудростей и той маю пожитокъ, що зъ тыхъ чотыри яець потрафлю зробити сѣмъ.

Отець цѣкавый конче хотѣвъ побачити, щобы сынъ его такъ ученый тую штуку показавъ. Сынъ радъ не радъ каже:

— Отче мôй, – правда, що тутъ есть чотыри яецъ?

— А правда, сыну.

— Отже знайте такожъ, що где есть чотыри, тамъ мусить бути и три, а три и чотыри есть разомъ сѣмъ, слѣдовательно тутъ на тарели есть сѣмъ.

Отець не думаючи довго, каже до сына:

— Добре говоришь, мôй сыну, що тутъ на тарели есть сѣмъ яецъ; а коли такъ, то я зъ тыхъ сѣмъ беру для себе чотыри, а тамтыхъ три лишаю для тебе, мôй сынку!

Якъ сказавъ, такъ зробивъ, а премудрый сынокъ лишь слинку полыкавъ.

Перо тай гуска.

(Байка.)

Перо писало на паперѣ,
Въ тôмъ отворила гуска дверѣ,
Та чеготати по свому стала,
Ѣсти благала.
„А пôйдешь зъ хаты,
Ворожа мати!..“
Перо скричало,
И сновь писало.
Рада — нерада гуска забралась,
Тай со слезами такъ бтозвалась:
„Нассалась зъ малу у мене кровцѣ,
А днесь ти мати и не въ головцѣ.“

И. Р. Пасѣчинскій

Загадки.

I.

Ни стоитъ, ни сидитъ, ни лежитъ,
Ни бѣжитъ, лишь гдеколи кричитъ.

II.

Кто тое любуе,
На вѣки бѣдуе.

III.

Ни рукъ, ни нôгъ не мае,
А самъ на плôтъ влѣзае.

Значенье загадокъ зъ ч. I.

1. Кропля росы. — 2. Межа. — 3. Лôжко застелене.

Шарады.

I.

Перша съ третовъ разъ въ рôкъ въ дома бувае,
перша съ друговъ ясного поранка до неба взлѣтае.
Дитя! скоро разомъ всѣ три прочитаешь,
Такъ имя своей сестры бтгадаешь.

II.

Другій съ першимъ страшенно кусае,
Разомъ таке имя не одинъ школярь мае.

От редакціи.

Тымъ, которымъ мы ч. I. на оказъ пôслали, а они его намъ не звернули, посылаемъ такожь ч. 2. и залучаемъ переказъ почтовый, щобы зволили намъ пренумерату прислати, а кто не хоче пренумеровати, просимъ, щобы намъ оба числа звернули и картою корессонденційною намъ заявили, що не желаютъ пренумеровати.

Родимцѣ! не робѣтъ намъ непотребныхъ выдатковъ, а присилайте або пренумерату або газетку намъ звернѣтъ!

Издатель и редакторъ Исидоръ Трембицкій. Зъ печатнѣ М. Бѣлоуса въ Коломыи 1881.